

УДК 340.152

Шигабутдинова Алина Леонидовна
Shigabutdinova Alina Leonidovna

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18)

candidate of sciences (law), senior lecturer of department of theory and history of state and law Kazan (Volga Region) federal university (18 Kremlyovskaya str., Kazan, 420008)

E-mail: disxidea@rambler.ru

Правосубъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты

The legal personality of the community in Ancient East: some historical-law aspects

Статья посвящена историко-правовому исследованию общины в системе субъектов права Древнего Востока. Автор проводит анализ социальных основ и содержания правосубъектности общин Древнего Египта, Древней Месопотамии, Древней Индии и Древнего Китая, предпринимает попытку выявить общие черты и особенности, отличающие правовое положение общины в отдельных государствах Древнего Востока.

Ключевые слова: субъекты права, община, правосубъектность, Древний Восток, государственный интерес, имущественные отношения, коллективная ответственность.

The article deals with historical-law research of the community within the subject of law system in Ancient East. The author analyzes the social bases and content of the legal personality of communities in Ancient Egypt, Ancient Mesopotamia, Ancient India and Ancient China, attempts to discover the common features and specialities of legal status of communities in particular Ancient Oriental states.

Keywords: subjects of law, community, legal personality, Ancient East, state interest, property relations, collective responsibility.

В сознании исследователей прочно укоренилось понимание того факта, что система субъектов права всегда производна от объективно сложившихся социально-экономических и политических условий существования государства. Вместе с тем, признание первичности объективных социальных факторов в созидании системы субъектов права не должно приводить к отрицанию активной роли законодателя в процессе «субъектообразования».

Было бы неверно рассматривать систему субъектов права как пассивное, непосредственное отражение в нормах права фактически существующего круга участников социальных взаимодействий. Творческая преобразующая сила права, обеспечивая избирательный подход законодателя к наделению тех или иных лиц правосубъектностью, дает возможность сконструировать систему субъектов права соответственно интересам государства.

Значение публичного интереса в формировании системы субъектов права рельефно проявляется в правовых системах Древнего Востока. В условиях неразвитости частнособственнических отношений и рыночных форм ведения хозяйства, отсутствия полноценных социальных классов, способных оказывать воздействие на политическую организацию

общества, на Древнем Востоке сложился особый тип государственности.

«Если в Европе с античности государство способствовало процветанию господствующего класса, собственников, если там общество в лице частных собственников всегда отчетливо доминировало над государством, а государство было слугой общества и соответственно были построены все его институты, — пишет в этой связи Л.С. Васильев, — то вне Европы, на Востоке, дело обстояло иначе. Государство здесь никогда не было, если использовать привычную марксистскую терминологию, надстройкой над социально-экономическими отношениями, сложившимися вне его и помимо него. Государство в лице причастных к власти социальных верхов не только выполняло функции господствующего класса («государство-класс»), но и абсолютно царило над обществом, подчинив его себе» [1, с. 227].

Иначе говоря, поглотив породившее его общество и превратившись в самодовлеющую силу, древневосточное государство обрело собственные интересы, лежащие в основе правового регулирования социальных процессов. В этой связи включение отдельных лиц или коллективных образований в систему субъектов права на Древнем Востоке

определялось в конечном счете государственным интересом как единственно возможным субъективным фактором при данном общественном строе. Разумеется, не следует абсолютизировать самостоятельность государственного интереса, отрывая его от объективных тенденций общественного развития.

Таким образом, система субъектов права в государствах Древнего Востока, в обобщенном виде отражающая государственную социально-политическую структуру, отторгает чуждые ей — внегосударственные, общественные — элементы. В правовое пространство допускаются лишь те участники социальных взаимодействий, которые выполняют конкретные государственно значимые функции и в существовании которых заинтересована сама государственная власть.

Учет государственного интереса как фактора, конституирующего систему субъектов права Древнего Востока, позволяет методологически верно решить проблему правосубъектности общины. Поэтому, обращаясь к вопросу о социальных основах и содержании правосубъектности общины, необходимо выяснить ее значение и назначение в социально-политической структуре древневосточного общества.

Будучи исторически первой формой самоорганизации общества, община сохранила свою значимость в условиях развитой древневосточной государственности, став своего рода «социальной корпорацией», обеспечивающей стабильность общественного порядка и безопасность индивида.

По мнению И.М. Дьяконова, древнюю сельскую общину следует рассматривать как механизм самозащиты и сотрудничества свободного и, особенно, свободного сельского населения за пределами государственного сектора [2, р. 130]. Община, полагал указанный автор, в рассматриваемый период была единственной организацией, в рамках которой человек мог максимально полно реализовать доступный для него объем прав и свобод — право владения движимым имуществом, право коллективного землепользования и право участия в общинном самоуправлении [2, р. 123].

Кроме того, прочность позиции общины в социальной структуре древневосточного общества в некоторой степени была обусловлена и экономическими причинами. Государственность на Древнем Востоке существовала в сложных природных условиях, требовавших значительных коллективных усилий по обработке земли и поддержанию оросительных сооружений. Община выступала естественной формой трудовой кооперации, порождая коллективное землевладение, коллективистский быт и соответствующую ему психологию.

Между тем указанные детерминанты, составляя предпосылку включения древневосточной общины в систему социальных взаимодействий, отнюдь не являются решающими для введения ее в систему субъектов права. Признание общины субъектом права объясняется не столько тем, что она была

естественной формой самоорганизации общества, пришедшего на смену первобытнообщинному строю, сколько тем, что она являлась необходимым посредником в процессе государственного управления. Иными словами, правосубъектность общины в концентрированном виде отражает ее функциональное назначение в механизме государства.

Наши рассуждения вполне согласуются с рядом положений, высказанных в литературе. Так, в частности, указывается, что «социальные корпорации были в интересах не только создавшего и усилившего их значения общества, но также и государства, ибо они были удобным рычагом для управления разросшейся социально-политической структурой. Чиновнику не было нужды вникать во внутренние дела каждой деревни, касты, цеха или секты — ему было достаточно наладить контакт с руководителем корпорации и через него управлять ею» [1, с. 229].

В литературе, кроме того, подчеркивается, что восточная община не только не могла сдерживать развитие государственного хозяйства, но и способствовала ему, определяла характер политической власти в этих обществах, особую роль распределительных, регулирующие-контрольных функций древневосточных государств [3, с. 32].

Содержание доступных для исследования древневосточных актов нормативно-правового и индивидуально-правового характера дает основание для вывода о широком участии общины в имущественных правоотношениях в качестве самостоятельного субъекта права.

Поскольку сложившаяся на Древнем Востоке своеобразную систему вещных прав трудно отразить в современных гражданско-правовых категориях, мы не входим в рассмотрение вопроса о том, являлась ли община субъектом права собственности. Бесспорным остается лишь тот факт, что община являлась полноценным носителем определенных вещных прав на землю и иные объекты недвижимости.

Так, в Древневавилонском царстве, несмотря на вовлечение земли в орбиту частнособственнического сектора экономики, община сохраняла определенный комплекс вещно-правовых правомочий на земельные угодья и оросительные системы, поскольку процесс приватизации, как отмечается в литературе, «ограничивался лишь небольшой частью общины и был к тому же обратимым» [1, с. 94].

Кодекс вавилонского царя Хаммурапи предусматривает, в частности, ответственность лица за затопление общинных земель в результате прорыва плотины на принадлежащем ему поле [4, с. 24]. Указанное положение, вероятно, может быть истолковано в том смысле, что наряду с частными земельными наделами здесь особо выделяются участки, владельцем которых является община.

Можно предположить при этом, что титульным владельцем всех общинных земель, в том числе находящихся в индивидуальном пользовании, являлась сама община как особый субъект права,

поскольку в источниках ясно прослеживается зависимость права частного землевладения от формальной принадлежности лица к определенному общинному коллективу.

Указанное обстоятельство в известном плане уже отмечалось в литературе. Хотя землевладение внутри общинного сектора экономики не обусловлено службой, как справедливо писал И.М. Дьяконов, земля не выделялась здесь на каком-то условии, однако собственность была связана с членством в конкретной общинной организации [2, с. 126].

Поэтому «уход из общины, согласно старым обычаям, был связан с потерей права собственности на земельный участок» [5, с. 43].

В литературе подчеркивается, что статус общины как обладателя владельческих прав на землю проявлялся в том, что за ней «сохранялся некоторый контроль за использованием земли и, конечно, оросительной сети. Община имела, вероятно, право на вознаграждение при переходе земельных участков из рук в руки — в результате актов купли-продажи или дарения» [5, с. 43].

Необходимо заметить, что подобный порядок формальной демонстрации вещных прав общины обнаруживается и в ранних государствах Древней Месопотамии.

Так, И.М. Дьяконов приводит текст надписи на обелиске аккадского царя Маништушу (XXIII в. до н. э.), свидетельствующий о том, что отчуждение земельных участков, непосредственно принадлежащих отдельным семьям, происходило в присутствии представителей общинных групп, в состав которых входили эти семьи. Участие указанных лиц при заключении договора в качестве свидетелей трактовалось как их согласие с условиями договора и давало им право на получение номинальной оплаты [2, с. 131].

На существование такой практики обращает внимание и А.П. Рифтин, исследуя старовавилонские договоры купли-продажи земли: «В качестве свидетелей документа фигурируют лица, имеющие право претензии или протеста по данному делу. Их выступление как свидетелей обозначает их согласие с удостоверяемой сделкой и потерю права протеста» [6, с. 23].

Сходный порядок правовой регламентации вещно-правовых полномочий общины был характерен и для правовой системы Древней Индии.

Хотя пахотная земля в Древней Индии делилась на наследственные участки индивидуального семейного владения, все остальные угодья продолжали считаться коллективным общинным достоянием [1, с. 172].

В частности, анализ религиозно-политического трактата «Артхашастра» показывает, что владениями, принадлежащими древнеиндийской общине в целом, обычно были такие виды недвижимости, которые по самому своему существу должны быть общими: дороги, храмы, места сожжения трупов, иногда выгоны вокруг деревенских строений и, воз-

можно, пастбища и оросительные сооружения [7, с. 160].

Формально-нормативное свидетельство признания общины субъектом вещных прав на земельные угодья отражено в дхармашастре «Ману-смирти» (в русском переводе «Законы Ману»), регулирующей порядок разрешения спора о границе, сторонами которого являются две деревни. Упоминание спора о границе между двумя деревнями можно обнаружить и в тексте «Артхашастры».

Таким образом, древнеиндийская община обладала юридической возможностью вступать в правоотношения по поводу спорных земельных участков от своего имени и в защиту собственных интересов.

Кроме того, в отношении земель, находящихся в частном владении, древнеиндийская община сохраняла права титульного владельца, подобные тем, что существовали в Древней Месопотамии. Так, в литературе прямо подчеркивается, что «своей землей земледелец мог распоряжаться лишь как участком общинной территории. Собственником поля можно быть лишь в качестве члена деревенского коллектива» [7, с. 160].

Сходным образом решался вопрос о порядке осуществления общиной принадлежащих ей вещных прав: во-первых, согласно «Артхашастре», родственники, соседи и кредиторы обладали правом преимущественной покупки отчуждаемой земли; во-вторых, сделка купли-продажи поля, рощи, оросительного сооружения, пруда или водоема должна была совершаться в присутствии старейшин деревни [7, с. 68].

На положение древнекитайской общины в социально-политической структуре общества заметное влияние оказало раннее появление частной собственности на землю. Уже в VI веке до н. э. в царстве Лу был принят Закон о поземельном налоге, закрепивший ликвидацию общинного и установление частного землевладения [3, с. 165].

Как полагают современные китайские исследователи, в связи с развитием частной собственности в период Чжаньго (V—III вв. до н. э.) община разрушается, и к III веку до н. э. она прекращает свое существование [8, с. 96].

Между тем в отечественной литературе, напротив, отмечается, что распространение частной земельной собственности на землю в Китае в V—III веках до н. э. не привело к полному исчезновению общины, изменив лишь ее характер: из собственника земли она превратилась к концу III века до н. э. в самоуправляющееся объединение лично свободных земельных собственников, для которых частная собственность на землю была осуществима, по-видимому, только через членство в общине и выполнение обязанностей общинника [9, с. 1].

Важно заметить при этом, что древнекитайская община, равно как и древнемесопотамская и древнеиндийская, даже в условиях существования частной собственности на землю не утратила своих вещно-правовых правомочий на участки, находившиеся в частном владении.

В частности, Л.С. Переломов утверждает, что «в III в. до н. э. — III в. н. э. частный земельный собственник не был свободен в распоряжении своим пахотным участком — в случае продажи поля он должен был откупить у односельчан право протеста сделки» [9, с. 8]. Основанием для такого вывода послужил анализ сохранившихся договоров купли-продажи земли эпохи Хань, обязательным условием заключения которых являлось угощение свидетелей.

В Древнем Египте, по мнению отдельных авторов, община в качестве самостоятельной социальной организации существовала лишь на самых ранних этапах жизни государства, поскольку «в древнеегипетских документах нет свидетельств о существовании подобного рода социально-хозяйственных структур даже применительно к прошлому» [1, с. 103].

Это объясняется тем, что древнеегипетская община в силу каких-то весомых причин (одной из них называют сам характер хозяйства в узкой полосе вдоль Нила с постоянной зависимостью от его разливов и необходимостью коллективного и руководимого из центра труда по преодолению последствий этих разливов) оказалась практически целиком поглощенной властью, инкорпорированной в систему царско-храмовых и вельможных хозяйств [1, с. 103].

Вместе с тем, в литературе по этому вопросу высказывается и противоположная точка зрения. Так, В.А. Томсинов утверждает, что в древности в Египте регулирование земельных отношений опиралось на местные обычаи и общинные объединения. Причем, в обоснование вывода о существовании общинного устройства в Древнем Египте автор приводит тот же аргумент — зависимость египетского земледелия от разливов Нила. «Уровень воды в реке ежегодно варьировался, — поясняет В.А. Томсинов, — соответственно менялись размеры и качество засеваемых зерновыми культурами полей. Это не могло не порождать частых и многочисленных споров между землевладельцами. Но очевидно, что царское законодательство не могло стать в этих условиях сколько-нибудь эффективным инструментом их урегулирования: наиболее подходящим средством упорядочения земельных отношений неизбежно становились в данном случае обычаи и местные общинные объединения» [10, с. 433].

С учетом сказанного можно предположить, что общинный уклад социального бытия был характерен и для Древнего Египта. Однако в силу нивелирования управленческого значения древнеегипетской общины разросшимся бюрократическим аппаратом государство отказывало в правовом оформлении таких организаций.

На наш взгляд, наделение древневосточной общины правосубъектностью и признание ее носителем вещных прав на землю прежде всего отражает заинтересованность государственной власти в регулярных и гарантированных налоговых поступлениях. Налогообложение в условиях общинного землевладения отличалось стабильностью и эффек-

тивностью, поскольку община, являясь титульным владельцем общинной земли, не только контролировала ее использование и отчуждение, но и несла коллективную ответственность перед государством за выполнение повинностей и уплату налогов.

Кроме того, подобная политика древневосточных государств в отношении правосубъектности общин могла быть продиктована стремлением ограничить рост частного землевладения, способствовавшего концентрации экономической мощи в руках отдельных лиц и усиливавшего центробежные тенденции.

Данных об участии общины в обязательственных правоотношениях, позволяющих сформулировать однозначные выводы, не достаточно. Вместе с тем, исходя из наличия у общинных организаций вещно-правовых полномочий, можно предположить, что правосубъектность общины могла включать в себя и возможность участия в обязательственных правоотношениях. Так, Законы Ману устанавливают: «Человека, который, заключив скрепленное клятвой соглашение с общиной, с деревней или округом, нарушает [его] из жадности, царю следует изгнать из страны» [4, с. 114].

В ряде правовых систем Древнего Востока община признавалась самостоятельным участником уголовно-правовых отношений. К примеру, в соответствии с Кодексом вавилонского царя Хаммурапи община была коллективным субъектом, обязанным возместить вред, который был причинен преступлением, совершенным на ее территории, если личность виновного не установлена [11, с. 25].

Аналогичное правило содержалось в дхармашастре «Яджнавалкья-смирити»: «А деревня пусть возместит украденное, если кража [произошел] на ее границе; или [поступит в зависимости от того], куда ведет след [вора]» [12, с. 63].

Вероятно, государство, возлагая уголовную ответственность на общинную организацию в целом, во-первых, стремилось не допустить сокрытия преступлений, укрывательства виновных лиц и попустительства преступной деятельности со стороны общины, а во-вторых, пыталось восстановить социальную справедливость в случаях, не позволявших обеспечить возмещение вреда за счет виновного.

Примечания

1. Васильев Л.С. История Востока: учебник: в 2 т. М., 2003. Т. 1.
2. Diakonoff I.M. The Rural community in the Ancient Near East // Journal of the economic and social history of the orient. 1975. Vol. 18. № 2.
3. История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова, О.А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2009. Т. 1.
5. Черниловский З.М. История рабовладельческого государства и права. М., 1960.

6. *Рифтин А.П.* Старовавилонские документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937.

7. *Вигасин А.А., Самозванцев А.М.* Архашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

8. *Маршев В.И.* История управленческой мысли: учебник. М., 2010.

9. *Переломов Л.С.* Община и семья в Древнем Китае (III в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1964.

10. *Томсинов В.А.* Государство и право Древнего Египта. М., 2011.

11. *Волков И.М.* Законы Вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914.

12. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Древность и Средние века / сост. В.А. Томсинов. М., 2001.

Notes

1. *Vasil'ev L.S.* The history of East: the textbook: in 2 vol. Moscow, 2003. Vol. 1.

2. *Diakonoff I.M.* The Rural community in the Ancient Near East // Journal of the economic and social history of the orient. 1975. Vol. 18. № 2.

3. The history of foreign state and law: the textbook: in 2 vol. / ed. by N.A. Krasheninnikova, O.A. Zhidkov. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2007. Vol. 1.

4. The reading book on history of foreign state and law: in 2 vol. / ed. by N.A. Krasheninnikova. Moscow, 2009. Vol. 1.

5. Chernilovskiy Z.M. The history of slave-holding state and law. Moscow, 1960.

6. *Riftin A.P.* Old-Babylonian documents in the USSR collection. Moscow; Leningrad, 1937.

7. *Vigasin A.A., Samozvantsev A.M.* Arthashastra: problems of social structure and law. Moscow, 1984.

8. *Marshev V.I.* The history of management doctrine: the textbook. Moscow, 2010.

9. *Perelomov L.S.* Community and family in Ancient China (3rd cent. B. C. — 3rd cent. A. N.). Moscow, 1964.

10. *Tomsinov V.A.* The state and law of Ancient Egypt. Moscow, 2011.

11. *Volkov I.M.* The laws of Babylonian king Hammurabi. Moscow, 1914.

12. The history of foreign state and law: Antiquity and the Middle Ages / compiled by V.A. Tomsinov. Moscow, 2001.